

Русская мысль -
Париж - 1999 - 21 окт. - с. 12.

Павел Нерлер

О ПРИНСТОНСКОМ АРХИВЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

На первый взгляд, граница между "текстологическими" и "биографическими" материалами должна просматриваться достаточно четко. В действительности это не совсем так. Вот несколько примеров из первой коробки.

Ее открывают два важнейших текстологических источника поэзии О.М. — экземпляр "Камня" (1916), подаренный О.М. С.П.Каблукову, с многочисленными вклейками и вставками, сделанными последним, и экземпляр "Стихотворений" (1928), подаренный О.М. Н.Е.Штемпель в 1937 г. с дари-тельной надписью и несколькими исправлениями, датированными 1936 и 1937 гг. и внесенными в книгу, по-видимому, незадолго до того, как подарить ее. Вместе с тем некоторые из этих исправлений подписаны и датированы, что делает их одновременно и биографическим источником. Позднее, когда Н.Е.Штемпель передала книгу Н.Я., та сделала из нее свой "рабочий" экземпляр, отмечая в нем — в соответствии с авторской волей, какой она ей представлялась, — многочисленные исправления, датировки и делая библиографические примечания (где то или иное стихотворение публиковалось).

Другой пример. В папке 5-й лежат отпечатки статьи "Петр Чаадаев" из "Аполлона" и несколько страниц с черновиками этой статьи. И тут же, на обороте одного из листочков, письмо к Эмилю Вениаминовичу Мандельштаму, отцу поэта. Письмо касается кого-то из его младших братьев (очевидно, Евгения): "3 ноября 1914 г. Многоуважаемый Эмиль Вениаминович. В виду предстоящих училищу сейчас срочных платежей очень прошу Вас внести остаток платы за обучение сына Вашего. Прошу принять уверение в совершеннейшем почтении и преданности В.Гиппиус" (на бланке "Директор Тенишевского училища в Петрограде. Моховая ул., № 33. Тел. 24-14 (служ.) и 130-24 (дом.)"). Для биографии же это непрерываемая датировка времени работы над статьей (правда, лишь дополнительная, поскольку О.М. и сам в письме С.Маковскому называл ту же дату: ноябрь 1914 года).

Обороты черновиков — вообще благодатная сфера для шальных поисков. Там часто обнаруживаются другие рукописи, письма, бланки. А на обороте черновика статьи "Скрябин и христианство" (В.1, f.11) — начало прошения студента Политехнического Института Императора Петра Великого Е.Э.Мандельштама в Главное Управление Генерального Штаба: "Работая в городском лазарете №11 в качестве заведывающего я, вследствие массы дел, пропустил срок получения студенческой отсрочки для окончания образования. Как студент I курса и призванной 1916 года я должен быть в ближайшее время призван. Я обратился 19 декабря в Главное управление по воинской..." (далее обрыв, или обрез текста). Из воспоминаний Е.Э.Мандельштама известно, что он-таки был призван и стал юнкером Михайловского артиллерийского училища. Это позволяет более уверенно датировать работу над статьей осенью 1916 или весной 1917 года.

Из "чисто" биографических материалов крайне интересна переписка Н.Я.Мандельштам, в особенности ее собственные письма Мандельштаму из Киева в Крым (впрочем, тогда, в 1919 г., она еще была Надей Хазиной). Здесь же в качестве примера приведу один любопытный документ, касающийся пребывания Мандельштама в Армении в 1930 г. и поиска им любых заработков. Это — недатированное письмо, напечатанное на армянском языке, на бланке Совета профессиональных союзов Армении. Оно подписано зав. культотделом Мкртчяном и зав. исполкомом Асатрянном и адресовано завкомам предприятий по выделке мехов и кож. Вот его текст: "Русский писатель тов. Мандельштам планирует организовать кружки по изучению русского языка. Организация подобных кружков чрезвычайно важна. Поэтому необходимо вместе с тов.арищем организо-

вать подобные кружки при красных уголках" (коробка 3, папка 1; благодарю А.Гениса за помощь с переводом этого письма на русский язык).

6.

Что же касается поиска в архиве неизвестных текстов самого Мандельштама, то эта линия — нисходящая. Сколько-либо значительных неизвестных или неидентифицированных оригинальных текстов поэта в архиве уже не осталось.

Но что же все-таки еще осталось?

Во-первых, несколько писем и телеграмм, во-вторых — несколько переводов. Из них стихотворный всего один: из драмы Жюль Ромена "Армия в городе" (датирован началом 1919 г.). Мандельштам перевел другую стихотворную драму Ж.Ромена "Кромдейр Старый" и написал предисловие к ее русскому изданию, а также к изданию другой вещи Ж.Ромена — повести "Обороты" (обе вышли в 1925 г.). Свидетельства — а тем более результаты — работы поэта над "Армией в городе" до сих пор, кажется, не были известны. Но, прежде чем предложить этот текст для публикации, необходимо свериться и с подлинником, и с имеющимся русским переводом этой книги.

И спешить тут особо не стоит, "прекрасным" свидетельством чему явилась одна моя недавняя оплошность: давая интервью корреспонденту радио "Свобода" в Нью-Йорке, я поспешил приписать лично Мандельштаму небольшой прозаический отрывок, в действительности являющийся началом перевода "Золотого горшка" Гофмана — правда, перевод очевидно мандельштамовский. Меня не отпугнула даже надпись И.М.Семенко "Старые переводы" на внутренней папке с рукописями (я ее как бы "отмел" свидетельством самой Надежды Яковлевны о том, что прозаические переводы в архиве не оставались — выбрасывались). Но главное — на меня

магически "давила" аура самой рукописи, точнее, двух различных фрагментарных рукописей, находившихся вместе (в папке 31 коробки 1). Интуитивно я датировал обе парижскими месяцами 1907-1908 гг., настолько они совпадали с меланхолическим настроением самого поэта, в апреле 1908 г. сообщавшего В.Гиппиусу среди прочего, что пишет "немного стихов и прозы". Особенно "говорящей" была вторая рукопись, и я прочел бы в эфире ее, если бы она к тому времени была полностью расшифрована. В ней повествуется о волнующем автора событии — полученной им в подарок толстой тетради, соблазняющей его своей белизной к писательству. И сразу после — как бы дневниковая записка, датированная ни много ни мало днем мандельштамовского рождения (в Париже, кстати, он встретил свое 17-летие).

"3 января 19... — Уже три дня я отдаю большую часть своего времени необходимым похождениям. Наконец, я больше не в долгу перед ближним. Благодаря случайности, на которую я не жалуюсь, я никого не застал дома. Тем не менее я с удовольствием пожал бы руку Жака де Бер-жа. Нелепая меланхолия, которой я предаюсь целых два месяца, заставляла меня пренебречь этим другом — а он очаровательный друг..."

После этого сомнений в "происхождении" фрагментов у меня, увы, уже не оставалось: передо мной, так я думал, что-то неслыханное и неожиданное — ранний осколок мандельштамовского дневника, эмбриональный период прозы! И даже замечание моего радиособеседника: "А не Гофман ли это?" — не насторожило меня настолько, чтобы проверить эту "гипотезу" во что бы то ни стало (русских переводов в Принстоне не оказалось, а копаться в первоисточниках я не стал). И вскоре выяснилось: действительно Гофман, начало "Золотого горшка", на русский в свое время пе-

реведенного Вл. Соловьевым! Вот ее текст:

ПЕРВАЯ ВИГИЛИЯ (Начало сказки Э.Т.А.Гофмана «Золотой горшок» в переводе О.Мандельштама)

В день Вознесенья в три часа полудни в Дрездене, сквозь Черные Ворота, мчался молодой человек и так ловко врезался в корзину с яблоками и пирожками, товар безобразной старушонки, что все содержимое корзины, не успев обратиться в кашу, очутилось на мостовой, и уличные мальчишки весело набросились на добычу, доставленную им чересчур поспешным господином. На тревожное верещанье старухи кумушки побросали свои лотки с пирожками и апельсиновой водой и, обступив молодого человека, принялись ругать его с такой необузданной плебейской яростью, что он, онемев от стыда и досады, сумел только вытащить и протянуть старухе свой маленький, не слишком тугий кошелек, который она с жадностью подхватила и немедленно припрятала. Только что разомкнулось и сомкнулось кольцо любопытных, старуха кинула вслед улетающему молодому человеку: "Эй, беги, беги, чортова дитя, — ни за грош пропадешь в хрустале!" Лающий, хриплый голос старухи прозвучал так ужасно, что прохожие молча остановились и смешки, которые здесь и там раздавались, умолкли. Студент Ансельм (это был никто иной как он) внутренне содрогнулся. Хотя ничего не понял в диких словах женщины, он ускорил шаг, чтобы скрыться от любопытных взглядов. Пока он пробивал себе дорогу в разреженной сутолоке, со всех сторон до него доносилось бормотанье: "Бедный молодой человек, чтобы ей пусто было, проклятой!" Станным образом таинственные слова старухи дали комическому приключению

какой-то трагический оборот, так что многие, ранее его совсем не замечавшие, теперь с участием за ним следили. Прекрасное лицо девушки, еще более выразительное от пламенной досады, и стройный стан готовы были простить ему и неповесть, и костюм, далеко выходящий из границ всякой моды. Его серый фрак щучьего цвета был так скроен, будто портной, работавший над ним, знал покрой современной одежды по накидкам, а бережно хранимые панталоны из черного атласа придавали целому в некотором роде магистерский стиль, с которым никак не вязалась ни выправка, ни походка. Когда молодой человек достиг конца аллеи, упирающейся в Линковския купальни, он еле переводил дух. Он вынужден был умерить шаг, но еще не осмеливался поднять глаз, так как всюду ему мерещились танцующие яблоки и пирожные, и в вежливой улыбке какой-нибудь девушки...

Предлагая читателям этот неизвестный мандельштамовский текст, я не только исправляю свою досадную ошибку и приношу извинения радиослушателям. Перевод Мандельштама весьма интересен уже тем, что сделан иначе, чем соловьевский. Соловьев, пожалуй, ближе к подлиннику лексически (никакой "необузданной плебейской ярости" у Гофмана нет), но Мандельштам зато гораздо художественней: не впадая в искажения, он демонстрирует удивительную свободу и гибкость русского языка в передаче и стиля, и смысла гофмановской фразы. "Ins Kristall bald dein Fall" — насколько же соловьевское "попадешь под стекло!" пресно по сравнению с мандельштамовским "ни за грош пропадешь в хрустале". И мне по-прежнему кажется, что, берясь за это повествование, Мандельштам (тоже студент) непрочно примерял на себя костюм бедного Ансельма, его "серый фрак щучьего цвета"...

А вот как раз этот акмеистический эпитет, этот бесподобный "щучий цвет", казалось бы, самое "мандельштамовское" в его переводе слово, на поверку ("ein hechtgraune Frack") оказалось всецело принадлежащим господину автору! Носить не переносить!

Принстон — Москва

21.10.99
Мандельштам
Осип